

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН



ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 40
(2094)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена беседа Т. Сыроева с философом и историком А. Теслей «У США поставлено на карту куда больше, чем у России», опубликованная в журнале «Эксперт», № 10, 7–13 марта 2022 года.

Вологда
апрель 2022

«У США поставлено на карту куда больше, чем у России»

«Многополярность – это не только обычно вспоминаемая Европа после Венского конгресса, но и Европа восемнадцатого века, эпоха коалиционных и кабинетных войн, когда предполагалось, что в ней не участвуют граждане, а только профессионалы», – считает философ и историк Андрей Тесля.

«Если российская спецоперация закончится успешно, произойдет изменение правил игры в глобальном масштабе, и изменения эти будут неконтролируемы», – считает философ и историк Андрей Тесля.

– Недавно вы сказали, что решение Владимира Путина, который по вашему мнению фактически поставил все на военную операцию в Украине, имеет одну плоскость рационализации. Действуя столь жестко, он взламывает мировой порядок, меняя базовые правила игры. Но при этом вы добавили, что Россию в этом отношении может устроить даже не полная победа. Почему?

– В сложившейся ситуации не очень понятно, что означает «полная победа». У спецоперации может быть только «достижение заявленных целей». Поэтому все, что, так или иначе, может быть интерпретировано как некое приобретение с точки зрения «принимающих решения», может оказаться благоприятным вариантом. Ты втягиваешься в эту операцию, идешь ва-банк, предельно рискуешь, а дальше в постоянно меняющейся ситуации определяешь для себя самый благоприятный момент.

– В чем, на ваш взгляд, выражается движение ва-банк, которое осуществил российский президент?

– Ва-банк здесь заключается в том, что у твоего оппонента, в данном случае США, тоже слишком многое поставлено на карту. То есть парадоксальным образом оказывается, что у США сейчас на карте стоит намного больше, чем у нас.

– А как бы вы расшифровали это «намного больше»? Статус гегемона, устройство однополярного мира, которое фактически давно уже сходит на нет?

– Как раз сейчас мы видим, что однополярный мир все еще есть. И, разумеется, статус геге-

мона у США, пускай и слабеющего, тоже еще есть. США способны поддерживать глобальные правила игры. Но если российская спецоперация закончится успешно, произойдет изменение этих правил. Это необратимо. И цепочка последствий, которая наступит по всему миру, во-первых, будет невероятно масштабной, а во-вторых, – почти неконтролируемой. И это очень значимый момент.

Прежняя реальность закончилась. А вот то, как будет выглядеть новая реальность, сказать мы не можем. Ее стены не просто возникают «здесь и сейчас», они еще и постоянно перестраиваются, а эскалация, я хотел бы это подчеркнуть, уже носит самый общий характер. То, что казалось невозможным еще неделю назад, теперь стало возможным.

– Например?

– Возьмите хотя бы историю с Финляндией и НАТО, где НАТО заявляет, что процедура принятия решения по Финляндии может быть завершена за двадцать четыре часа. Представить себе такое еще месяц назад было просто невозможно, как и, к примеру, историю с заморозкой активов ЦБ. Это ведь тоже беспрецедентная мера.

Издержки и приобретения

– В таком случае, в чем может быть цель США?

– США нужно продемонстрировать одну базовую вещь: что издержки, понесенные противоположной стороной, несопоставимы с любыми выигрышами, которые она приобретет. Ключевой момент – именно качественная разница между издержками и приобретениями. США важно продемонстрировать, что таким путем вы ничего не добьетесь.

– Есть ли какие-то индикаторы, по которым можно будет судить, что Москве, несмотря на все давление, удалось достигнуть хотя бы части своих целей?

– Самый яркий индикатор – если произойдет прекращение фазы активной операции и над Украиной будет установлен контроль. При этом следующей горячей фазы не наступит, и российский режим не просто выстоит, но и справится со всеми задачами по обеспечению повседневных нужд, то есть если удар по экономике будет смягчен и окажется не нокаутирующим.

Другое дело, что сразу возникнет вопрос: а что дальше? И здесь, на мой взгляд, наступит ключевой момент, когда начнутся последующие действия мировых игроков. Но все это находится за горизонтом предвидения.

Хотя один момент в чисто политическом измерении мы уже можем зафиксировать. Как бы ни было сейчас тяжело и чувствительно положение России в результате принятых санкций, если мы представим себе, как ситуация в Украине выглядит со стороны других периферийных держав, то в их глазах Украина в этом разбирательстве с Россией оставлена один на один.

Это уже очень важный промежуточный итог – очередной сигнал об отключении глобального порядка.

Менее управляемый и более конфликтный мир

– Предположим, выход на многополярность сработает. Начнет возникать более сложная сетка международных отношений. Как вы чисто гипотетически видите переход к такому состоянию мира?

– Многополярность изначально предполагает, что это танец со многими игроками. Возникает куда более сложная система, которая становится менее управляемой и более конфликтной.

Более того, не стоит забывать, что это будет многополярность с ядерным оружием. А это очень специфический и беспрецедентный с исторической точки зрения опыт. И все, что происходит сейчас в мире и будет происходить, только убедит других игроков, располагающих соответствующими возможностями, если у них еще были сомнения, что ядерным оружием обзавестись совершенно необходимо.

Но любопытно еще и то, что сама многополярность как раз предполагает, что это всегда

сложный баланс сил, который постоянно меняется. И вот тут историческую аналогию привести уже можно. Потому что многополярность – это ведь не только обычно вспоминаемая Европа после Венского конгресса, но и Европа восемнадцатого века, эпоха коалиционных и кабинетных войн, когда предполагалось, что в ней не участвуют граждане, а только профессионалы.

Да, державы активно взаимодействуют военным образом, но большая часть столкновений не носит радикального характера. Более того, то, что предотвращает несопоставимый урон для участников, связано с тем, что это войны всевозможных коалиций.

– То есть все застрахованы – и с той и с другой стороны.

– Да и любой слишком сильный урон может разбалансировать систему. Как только одна из противостоящих сторон слишком ослабевает, тут же происходит переформатирование коалиции, и внезапно прежний противник становится союзником. В этом плане такие международные отношения лишены «принципов»: ни о какой кровной вражде и извечном противостоянии речи нет. Главное – чтобы никто не усилился настолько, чтобы стать гегемоном.

То есть мы имеем дело с многофигурным танцем, который при этом предполагает, что война – это дело государей, а воспринимать военного противника как врага всей твоей жизни, которого ненавидишь, просто странно.

– Исторические аналогии здесь кажутся не совсем корректными еще и потому, что у нас есть специфический опыт Второй мировой войны и того большого процесса, который активно шел во второй половине двадцатого века, связанный с пацифизмом, с желанием мирной жизни, даже та же «зеленая» повестка укладывается в эту логику. Понимание того, с чем связаны издержки большой войны, не станет ли подушкой безопасности в условиях возможной многополярности?

– Наоборот. Легко заметить, как страх войны и понимание того, что такое война, почти исчезли. Само представление о возможных рисках и угрозах изменилось. В этом плане даже у проис-

ходящего сейчас в Украине есть важный плюс в мировом масштабе – напоминание о реальности войны, что довольно сильно может способствовать осмотрительности самых разных акторов.

Но война как последний аргумент не снята: ее не устранить. Более того, я бы обратил внимание на то, о чем писали Александр Филиппов и целый ряд других коллег: как легко включилась логика тотальной войны, хоть и в рамках экономической и гуманитарной реальности. Все решения, которые уже были приняты, означают, что применяются они к Другому – к Чужаку.

Нынешняя война предполагает отмену всех прежних порядков, хотя из истории мы знаем, что война этого не предполагает. Мы видим, как вво-

дятся чрезвычайные процедуры вроде арестов имущества или мер по гражданской авиации. Вспомним последнее заявление французского минфина о том, что с Россией будет вестись именно «тотальная финансовая война», а МИД Франции публично рассуждает об «удушении» России.

То есть все средства теперь оказываются допустимыми, потому что перед тобой не противник, а абсолютный враг. Следовательно, по отношению к нему правовые порядки не действуют, а значит, возможно то, что в принципе невозможно. И это как раз ключевое: мы видим, как легко, оказывается, включилась логика тотальной войны.

Тихон Сысоев